

ние второй половины XV в., как и летописание «владычное» (отдельных епископов), не может, по мнению А. П. Насонова, рассматриваться как летописание «неофициальное».

Но как же представлял себе А. П. Насонов роль и функцию такого официального летописания митрополита и владык в Русском централизованном государстве? Всплывают же как летопись была документом, на который открыто ссылались, даже и в спорах международного характера. Могли ли летописи, сочувствующая митрополиту и осуждающая государя всей Русью, выступать так же открыто? Знал ли великий князь, что писалось в «официальной» летописи зависящего от него митрополита? Очевидно, для того, чтобы решить вопрос о возможности или невозможности в конце XV в. официального летописания, независимого от великокняжеской власти, необходимо вновь вернуться к вопросу о значении летописания, о том, как и кем велось в Древней Руси различные летописи.

Существующий ряд спорных и нерешенных вопросов истории летописания никак не говорит, конечно, о недостаточном развитии этой области советского источниковедения. Напротив, самая возможность постановки таких вопросов свидетельствует о зрелости нашей науки. Опираясь на лучшие достижения дореволюционной филологии, советская наука очень много сделала для осмысления таких важнейших памятников древнерусской историографии и литературы, какими были летописи.

В. Л. ЯНИН

ИЗУЧЕНИЕ ДРЕВНЕРУССКИХ ВИСЛЫХ ПЕЧАТЕЙ

Вряд ли нуждается в особом обосновании важность сфрагистики, которая давно уже стала неотъемлемой частью истолого источниковедения. С ее помощью успешно решаются постоянно встающие перед исследователями задачи установления подлинности, авторства и времени написания древних документов. Примеры удачного использования сфрагистических возможностей для решения практических вопросов дипломатики многочисленны. Однако содержание сфрагистики отнюдь не сводится, вопреки распространенному представлению, к участию в дипломатической критике. Живое свидетельство этому — огромный материал русской сфрагистики X—XV вв., в котором вислые печати, сохранившиеся при документах, составляют каких-нибудь 7—8% от общего числа зарегистрированных сейчас памятников. Наставшая на преобладании вспомогательной функции сфрагистики, мы

* А. П. Насонов. Материалы и исследования по истории русского летописания, стр. 269.

вынуждены были бы признать не имоющей научной ценности всю массу печатей, обнаруженных не при документах, а в земле, или же видеть в ней некий мощный фундамент для двух-трех десятков далеко не первостепенных дипломатических определений сравнительно поздних истов. Добавим к этому, что древнерусских ископаемых печатей известно сейчас около двух тысяч, что ни одна из булл домонгольского времени (а их сейчас зарегистрировано свыше 700) не сохранилась при документе, и нам станет ясной искусственная ограниченность привычного определения содержания и задач сфрагистики.

Небольшие свинцовые кружки, много веков тому назад утратившие связь с безвозвратно погибшими документами, некогда ими удостоверяемыми, содержат в своих изображениях и надписях первоклассный познавательный материал, введение которого в историческое построение способно прояснить многие важные проблемы и дать начало новым исследованиям. Предвария обзор главнейших из этих проблем, мы можем характеризовать основной итог развития сфрагистических знаний в советское время как постоянное и усиленное обоснование этой мысли.

Особенностью того раздела русской сфрагистики, о котором здесь идет речь, является его историкографическая молодость. Если интерес к средневековым буллам впервые возник еще в XVIII в., то на протяжении целого столетия он воспринимался исключительно на печатях, сохранившихся при подлинных актах. Таких печатей к настоящему времени известно всего лишь 163. В подавляющем большинстве они были изданы в научный оборот в прошлом столетии, но их малочисленность и случайность подбора, определяемая случайностью сохранения до нашего времени подлинных средневековых актов, были непреодолимым препятствием для создания научной классификации булл, что и в свою очередь вело к неизбежному ограничению задач уже возникшей дисциплины, к превращению ее во второстепенный раздел дипломатики.

Сведения о первых находках ископаемых булл относятся лишь к концу XIX в., однако поворотным пунктом в развитии русской сфрагистики является открытие в самом начале нынешнего столетия главной сфрагистической сокровищницы Древней Руси — волгодорожского Городища, которое можно сравнить по своему значению лишь с открытием главной сокровищницы византийских булл — стамбульского Сераккерата. Достаточно сказать, что за 65 лет на огнях Городища было собрано свыше тысячи древнерусских свинцовых булл, и интенсивность их притока не замедляет по сей день. Воды Волхова, испаряющегося после паводков в свои берега, ежегодно оставляют на городищенском песке до двух десятков древних моллюсков.

Обилие печатей на Городище нуждается в объяснении, и это объяснение несложно. Общеизвестно, что Городище на протя-

жени всего периода существования Новгородской республики было главной резиденцией князя и его аппарата. Комплекс построек княжеского двора включал в свой состав и архив, единственным материальным остатком которого оказываются многочисленные буялы. Топография княжеского Городища по исследованию и, по-видимому, в целом невосстановима. Обращение к планам середины XVIII в. показывает, что современный рельеф этого памятника — результат грандиозных и его масштабе земляных работ, нарушивших стратиграфию древних слоев на самом важном участке княжеского поселения.

Первоначально Городище занимало большую площадь, ограниченную на западе берегом Волхова, а на юге — истоком Волхонца, переходя на востоке в посад, упиравшийся в течение Волхонца. Во второй половине XVIII в. мыс Городища был прорезан Сиверевым (Метиевичем) каналом, русло которого уничтожило сохранившиеся в земле остатки архива. Древнее русло Волхонца обмелело (ныне существующие протоки к югу от Городища и речка Спасовка), а основной его исток пробил себе дорогу к северу от Городища. Выброс из канала образовал мощный вал по его южному берегу. Этот вал и является теперь «сфраккетической кладовой», хотя отдельные буялы встречаются и на северном берегу канала. В 1965 г. Новгородская археологическая экспедиция провела шурфовку на обоих берегах Сиверева канала и надежде обнаружить неотревоженные слои, несущие остатки архива, однако попытка была неудачной: все городищенские печати, по-видимому, происходят из слоев вторичного залегания. Дыбоньто отметил, что сборы печатей каждый год демонстрируют существовавшие определенные закономерности расположения буял даже во вторичном залегании. Как правило, подряд обнаруживаются одинаковые или очень близкие по времени печати. Очевидно, что лопаты землекопов XVIII в. переносили с одного места на другое группы систематизированных буял. Иными словами, до прорытия канала остатки архива в земле в целом сохраняли известный порядок архивного расположения документов.

Основные существующие сейчас сфраккетические коллекции включают в себя большие массы городищенских материалов. Поэтому небезинтересно познакомиться с историей их собирания, отражающей историю собирания городищенских буял.

Главное накопление материалов связано с именем основоположника советской сфракгетики Н. П. Лихачева, который первым всерьез заинтересовался необычными сборами на Городище. С первых лет XX в. до 1917 г. Н. П. Лихачев по отношению к Городищу был собирателем монополистом. Лишь отдельные находки проходили мимо его рук, образовав крохотные собрания М. И. Полянского, В. С. Передольского, Н. С. Остроухова и Новгородского музея. Всего за эти годы им было собрано до 600

древнерусских булл, в основном городищенского происхождения. Н. П. Михачев опирался на целую сеть новгородских агентов, щедро оплачивавших любяие находки, и связи с этими агентами не утратил и в послереволюционные годы, когда к активному собиранию печатей приступил Новгородский музей. К моменту кончины Н. П. Михачева в 1936 г. его собрание русских монидопулов включало до 700 номеров. Уже эта цифра показала важность лихачевского собрания, которое и сегодня остается главным источником добрых сфрагистических исследований.

Судьба лихачевской коллекции была сложной и причудливой. В 1925 г. Н. П. Михачев передал организованный им Музей палеографии, включавший и свой состав и сфрагистические собрания, в ведение Академии наук СССР и был назначен его директором. В конце 20-х годов, когда будущее этого музея стало до крайности неопределенным, жемчужины русского собрания (190 лучших булл) были изъяты на него и переданы на сохранение академику Н. К. Никольскому. Вместе с научным архивом последнего они после его смерти попали в Библиотеку АН СССР, которая в 1959 г. передала эту часть собрания в Отдел нумизматики Государственного Эрмитажа. Тем временем основная часть собрания, уцелевшая от Музея палеографии Институтом истории АН СССР, в свою очередь подверглась разделу. Приблизительно половина коллекции вместе с громадным собранием византийских печатей в 1939 г. перешла в Отдел Востока Государственного Эрмитажа, а оттуда в 1954 и 1964 гг. в Отдел нумизматики того же музея. Остатки коллекции сохранились в Архиве Ленинградского отделения Института истории АН СССР, откуда в начале 1967 г. они также были переданы в Отдел нумизматики Эрмитажа, впоследствии, наконец, это несравненное собрание Никола не удалось отыскать около трех десятков известных по литературе булл, однако все они принадлежат к числу малоизвестных фрагментов, и нужно надеяться, что они будут выявлены при окончательной систематизации византийских печатей той же коллекции.

Заметным недостатком лихачевского собрания является отсутствие точной документации его материалов. Паспорта печатей ограничены указанием общего места находки: Новгород, Киев и т. д. Однако очевидно, что подавляющее большинство булл происходит из Новгорода, а подавляющее большинство новгородских булл — с Городища. Между городищенскими печатями и печатями, найденными в самом Новгороде, существует явная фактурная разница, происходящая от различия почвенных режимов их сохранения.

Собрание Отдела нумизматики Эрмитажа по существу тождественно собранию Н. П. Михачева. Кроме этой коллекции, к нему входят лишь немногочисленные буллы, принадлежавшие ранее

С. Г. Строганову, П. П. Толстому, Ф. М. Плюшкину, и единичные случайные поступления.

Вторым по значению сфрагистическим собранием является коллекция Новгородского музея. В дореволюционное время этой коллекции еще не существовало, музей был владельцем всего лишь семи булл. Активное собирание печатей (в первую очередь на Городище) началось в 1920 г. с приходом в Новгородский музей П. Г. Норфиридова. На протяжении 1920—1940 гг. новгородское собрание достигло внушительной цифры — 110. Война пощадилась это собрание (утрачено лишь несколько булл на довоенных находках), однако она уничтожила вместе с инвентарными книжками всю паспортную документацию материалов. Эта утрата отчасти восполняется для 1920—1930 гг. перечиской П. Г. Норфиридова с П. П. Лухачевым, хранящейся в Архиве АН СССР (Ленинград) и содержащей подробную информацию обо всех полах приобретения музеем.

Как уже отмечено, значительная часть новых находок вплоть до 1936 г. приходилась поступать и к П. П. Лухачеву. Его компетенция действовала и ущерб интересам местного музея, но это еще было бы полбеды, если бы они, терпя время от времени связь с маститым собирателем, не продавали свои находки в третьи руки. В 1948 г. партия печатей приобрел Музей Шенгелица (они затем перешли в Эрмитаж), в 1920-х годах ряд печатей (теперь утраченных) приобрел П. И. Юкин, в 1930-х годах несколько покупок сделал в Новгороде П. В. Гудков Беликов (его коллекция теперь в московском Историческом музее), образуются небольшие коллекции К. Ф. Федорова, М. Калинина (ныне утраченные) и М. А. Ковалева (частично сохранившиеся и тех же руках). Мы перечислили только известные нам собрания, но и их судьба в целом показательна: последние в них и отторгнутые от основного комплекса предметы подверглись всем провратностям частного собирательства и в ряде случаев потеряны для науки.

Война прервала собирательскую деятельность музеев. Десятки булл в эти годы были смыты на дно канала, и их можно только ослеплять. Но уже в 1946 г. пополнение коллекции возобновляется и продолжается до сегодняшнего дня, когда это собрание насчитывает свыше 230 булл. Наиболее опасность для научной фиксации новых находок возникла в начале 1960-х годов, когда печати появились на антикварном рынке и на ярмарки привлекли к себе внимание местных коллекционеров. Нужно сказать, что известная доля вины в этом принадлежит Новгородскому музею, который после ухода П. Г. Норфиридова, несмотря на в целом хорошие результаты, воплотил коллекцию пассивно, приобретая лишь те материалы, которые сами пали в руки. Полезную деятельность в этот момент развил Г. М. Штендер, который вынужден был находившиеся в частных руках буллы на монеты и вернул интересы местных собирателей и привычное русло нумизматики.

Эти печати были переданы им Новгородской археологической экспедиции, которая сама с 1962 г. активно собирает буллы на Городище. В 1962—1967 гг. экспедиция обнаружила на Городище свыше 90 монидонбулл и передала сборы 1962—1965 гг. в московский Исторический музей, а сборы 1966 г. — в Новгородский музей.

С 1964 г. судьба городищенских находок перестала опускать какие-либо опасения, чем мы обязаны энтузиазму молодого сотрудника Новгородской археологической экспедиции, теперь сотрудника Новгородского музея И. П. Нахому. Талантливым археолог, И. П. Нахомов все свое свободное время проводит на Городище, где ему удалось обнаружить уже несколько десятков древних печатей. Поразительны случаи, когда в разные годы он отыскивал разные фрагменты одной и той же буллы, что свидетельствует о высокой точности его работы, требующей не только настоящего энтузиазма, но и остроты глаза.

Третьим крупнейшим собранием древнерусских булл (185 экз.) является коллекция Отдела палеографии Государственного Исторического музея в Москве. Она образовалась из разновременных мелких поступлений, но ее основу составляет собрание Новгородской археологической экспедиции (свыше 130 булл). Как уже говорилось, в составе этого собрания имеются материалы по сборам на Городище (около 60 печатей), однако не они придают особую ценность коллекции. Ее важнейшее преимущество перед другими собраниями составляет многочисленное количество, найденные в ходе систематических раскопок в Новгороде. Это единственная группа древнерусских некроемых булл, имеющих точные стратиграфические характеристики и, следовательно, образующих комплекс с внутренней относительной хронологической шкалой.

Мы не намерены более подробно излагать сведения о других более мелких сфрагмистических собраниях. Они существуют в Киеве, Львове, Цехове. К сожалению, перечень южнорусских коллекций неизбежно превращается в мартиролог, потому что именно эти собрания потеряли невосполнимый урон в ходе войны. Однако и перечень крупнейших собраний был бы неполон, если не упомянуть сенсационную находку (1961—1962 гг.) огромного комплекса некроемых печатей второй половины XV—начала XVI в. при раскопках в Дюжонтове городе. Этот комплекс, насчитывающий свыше 500 булл, еще не издан. Печатные сведения о нем кратки и порой противоречивы. Хранится он в Отделе истории первобытной культуры Эрмитажа.

До сих пор мы касались лишь вопроса о сфрагмистическом собирательстве. Переходя к проблемам публикации накопленных материалов, отметим с самого начала, что список сфрагмистических публикаций в советской литературе крайне неполон, этому есть причины и свое оправдание. Как уже отмечено, первоначальное

накопление материалов было стремительным: уже первые 15 лет собирательской деятельности Н. П. Лихачева привели к образованию коллекции из 600 древнерусских печатей, к которым с самого начала добавились буллы подлинных актов и материалы других собраний. Это обстоятельство уже в первые годы существования древнерусской сфрагистики как научной дисциплины создало настоятельную потребность в своде сфрагистических памятников Древней Руси, а не в публикации отдельных, хотя бы и ярких документов сфрагистики.

Потребность в своде обнаружилась еще в самом начале XX столетия, когда М. П. Полиевский и Н. И. Петровым были предприняты и первые попытки обобщить известные к тому времени материалы новгородского и киевского происхождения.¹ Обе попытки нельзя признать удачными: крайняя ограниченность привлеченного материала лишила его падателей возможности хотя бы элементарно систематизировать свои источники. Однако работа по подготовке сфрагистического свода активизируется, когда за год в 1904 г. вышел крупнейший знаток вспомогательных исторических дисциплин и выдающийся собиратель древнерусских булл Н. П. Лихачев. В сотрудничестве с А. В. Оршиляковым он в 1904—1917 гг. подготовил к изданию фототипический альбом, в котором на 57 таблицах «русской части» было воспроизведено 914 древних предметов, в том числе около 700 древнерусских актов печатей (остальные предметы — товарные пломбы, заготовки, византийские аналоги, подвески и т. д.).²

Сфрагистический альбом не был лишен недостатков; главным из них была хаотичность изложения материала. Таблицы формируются в печатальном по мере пополнения коллекции автора или получения слепков из архивов, музеев и частных собраний. Печати, уже опубликованные где либо, включались, так как основной задачей Н. П. Лихачева было ввести в научный оборот как можно больше свежего материала. Предполагалось, что хаотичность изложения можно будет преодолеть в тексте издания, ценность которого некупала любые структурные недочеты. Однако издание «Альбома» так и не было осуществлено. Его печат-

¹ М. П. Полиевский. 1) Сфрагистика по памятникам захоронения в селе Городище Новгородского уезда. Выхожский листок, № 10, 22 января 1903 г.; 2) Новгородские и новгородские печати: киевские, владимирские, погоричинские, псковские, новгородские и тифлиские. Выхожский листок, №№ 93 и 94. Обе статьи переизданы в книге: М. П. Полиевский. Новгородская памятка для туристов. Изд. 2-е, Новгород, 1908, стр. 1—6, 234—266 (второй статьи здесь озаглавлена «О новгородских гербах и печатях»); Н. И. Петров. Киевские и новгородские металлические штемпельные печати дмитриевского периода. Чтения в Историко-историческом и археологическом обществе при Киевской духовной академии, вып. XI, Киев, 1913.

² Н. П. Лихачев. Сфрагистический альбом. Архив ЛОИА, ф. 35, оп. 2, № 444. Об истории подготовки «Альбома» см.: В. Л. Янин. К столетию со дня рождения Н. П. Лихачева. Сов. археология, 1962, № 2, стр. 10—10.

танье остановилось в 1917 г. из-за трудностей переживаемого страной времени. В дальнейшем «Сфрагистический альбом» Н. П. Лихачева сохранил значение одной из главнейших основ любой работы в области древнерусской сфрагистики, мог быть использован не как задуманное его автором издание, а как архивный документ.

Систематизационные идеи Н. П. Лихачева были частично положены им в двух выпусках «Материалов для истории византийской и русской сфрагистики».³ Фактически был издан лишь первый выпуск этого труда. Тираж второго выпуска почти полностью погиб до встречи с читателем. До последнего времени предполагалось, что уцелело не больше десятка экземпляров, однако в 1963 г. нам удалось обнаружить свыше 50 экземпляров книги Н. П. Лихачева в фондах Библиотеки АН СССР (Ленинград). «Материалы» представляют собой серию этюдов, посвященных отдельным группам домонгольских русских печатей, объединенную единой концепцией. Третий выпуск, не завершённый автором, существует в виде рукописей и посвящен сфрагистике XIII—XV вв.⁴ Особенного внимания заслуживает то обстоятельство, что в процессе работы над «Материалами» Н. П. Лихачев исключил в них значительное количество вновь найденных бул, которые были зафиксированы уже после 1917 г. и потому не нашли отражения в «Сфрагистическом альбоме». Число таких бул достигает нескольких десятков.

В последние годы жизни Н. П. Лихачев успел полностью завершить работу над текстом «Сфрагистического альбома», который, по мысли автора, должен был составить четвертый выпуск его «Материалов». К сожалению, в этой работе, также оставшейся незавершенной,⁵ первоначальный замысел ее автора не нашел воплощения. В тексте «Альбома» предпринято последовательное описание таблиц без попытки классифицировать материал в соответствии с теми идеями, какие были высказаны в первых двух выпусках «Материалов». Результатом оказались не систематизированный свод, а записанный от случайной очередности произведенных на таблицах печатей комментарий. Первоначальная хаотичность издания так и не была преодолена, причиной чему явились тяжелые условия создания этого труда на пороге близкой кончины исследователя.

Тем не менее внимательное изучение двух вполне завершенных работ Н. П. Лихачева позволяет говорить о крупнейших успехах именно в разработке сфрагистической классификации. При всей эскизности «Материалов» Н. П. Лихачеву удалось заложить

³ Н. П. Лихачев. Материалы для истории византийской и русской сфрагистики, вып. 1, 2. Труды Музея палеографии, т. 1. Л., 1928; т. 2, Л., 1930.

⁴ Архив АН СССР, ф. 240, оп. 1, № 123.

⁵ Архив ЛОИА, ф. 35, оп. 2, № 444.

жить в них прочные основы научной сфрагистики. Исследователь выделил основные группы древнерусских булд, установив их общую хронологическую характеристику, предъявил аргументированную принципиальную атрибуцию наиболее существенных категорий писемных печатей, впервые проследил главные пути развития сфрагистических типов. Менее удачны, на наш взгляд, его выводы, касающиеся персональной атрибуции различных типов, поскольку им анализируются не весь известный даже к тому времени материал, а наиболее сохранившиеся и эффектные экземпляры. Однако и здесь многие определения Н. П. Лихачева бесспорны.

После смерти Н. П. Лихачева (14 апреля 1936 г.) подготовка сфрагистического свода на долгое время приостановилась. Заслуживает внимания публикация А. С. Орлова «Материалов для библиографии русских печатей XI—XV вв.», обобщивших литературные сведения об изданных к середине 1930-х годов буздах.⁶ Однако этой публикации не хватает должной полноты, некоторые сведения в ней взяты не из первых рук, в сводке не нашли отражения как фактически не изданные при второй выпуске «Материалов», так «Сфрагистический альбом» Н. П. Лихачева. А это значит, что в нее вошла лишь малая часть действительно собранного к моменту ее издания материала.

Между тем на протяжении последних 25—30 лет количество новых находок неуклонно росло. Сфрагистические собрания на год в год пополнялись новыми поступлениями из случайных находок и раскопок. На протяжении 30—50-х годов возникли выдающиеся сфрагистические коллекции Новгородского музея и Новгородской археологической экспедиции.⁷ Значительно пополнялись собрания центральных и областных музеев. Быстрое накопление новых материалов, нуждающихся в обработке и издании, снова с большой остротой поставило перед сфрагистикой вопрос о приведении в порядок ее сокровищ. И не случайно возобновление публикаций приобрело очевидные черты целенаправленной и систематической работы по подготовке к изданию сфрагистического свода. Эта работа в большей или меньшей степени коснулась почти всех основных групп древнерусских печатей X—XV вв.; многие из них были изданы в виде сводов.

Значительный интерес, активно разделяемый зарубежными исследователями сфрагистики, был проявлен к древнейшему периоду бытования русских писемных печатей X—начала XII в.

⁶ А. С. Орлов. Материалы для библиографии русских печатей XI—XV вв., до 1425 г. Первоначально исторические дисциплины, Сб. статей, М.—Л., 1937, стр. 245—283. Работа перепечатана в книге: А. С. Орлов. Библиография русских надписей XI—XV вв. М.—Л., 1952, стр. 183—216.

⁷ Часть коллекций Новгородской экспедиции издана. См.: В. Л. Янин. 1) Письма печати из новгородских раскопок 1954—1954 гг. МИА, № 53, М., 1956, стр. 138—163; 2) Печати из новгородских раскопок 1955 г. МИА, № 65, М., 1959, стр. 303—309.

Он нашел выражение в целой серии публикаций, в том числе и имеющих монографический характер.⁸ Следует особо отметить, что именно в этом разделе последние годы дали ряд особенно блестящих находок, комментируемых сейчас специалистами не только в СССР, но и в Польше, Болгарии, Румынии, Швейцарии, Франции (работы А. Поппа, Т. Герасимона, Н. Бенешку, Н. Барни, А. В. Соловьева, В. Лорана).

В виде сводов были изданы некоторые группы печатей XII в., такие, как буллы новгородских посадников времени князя Всеволода Мстиславича (1117—1136 гг.)⁹ и именитые печати епископов Новгородца, Смоленска, Полоцка и Галича.¹⁰ Однако самыми обычными были публикации печатей XIII—XV вв. На этого раритета издавна обильнее буллы новгородских посадников,¹¹ новгородского Совета господ XV в.,¹² именитых¹³ и анонимных архиепископских печатей Новгородца,¹⁴ печатей младших поместников Новгорода и Лядоги,¹⁵ новгородских тупцов.¹⁶

Множество издавна покровские печати, накопившиеся и собранных в моменту уже упомянутой находки 1961—1962 гг. в Довмонтовом городе.¹⁷ Особой темой, всегда интересовавшей русских

⁸ Д. С. Блудфельд. Визель печатки в Новгородки. Археология, т. III, Киев, 1950; С. Р. Кізілбич. Визель печатки в Києві. Праці Київського державного Історичного музею, вип. 1, Киев, 1958; Р. О. Юра. Визель печатки в Київському городищі. Сб. «Історичні дослідження їх використання», вип. 1, Киев, 1964; В. Л. Янин. 1) Древнейшая русская печать X века. КСННМК, вып. 57, 1955; 2) О печатях Ратибора. Сов. археология, 1960, № 2; 3) Печати с надписью «Даблелово». Сов. археология, 1962, № 2; 4) Печати Феодора Музалон. Палеографія и эпиграфика, вып. 2, Киев, 1965; 5) Печати епископского князя Всеволода Ярославича (1054—1057). КСННМК, вып. 53, 1954; В. Л. Янин и Г. Г. Липгарин. Новые материалы о происхождении Владимира Мономаха. Историко-археологический сборник «А. В. Архиповскому в 60 летия со дня рождения», М., 1962.

⁹ В. Л. Янин. Новгородские посадники М., 1962, стр. 72—82.

¹⁰ В. Л. Янин. Именитые буллы русских епископов XII—начала XIII в. Сов. археология, 1960, № 3.

¹¹ В. Л. Янин. Новгородские посадники, стр. 120—123, 161—164, 226—231, 267—273.

¹² П. Г. Порфирьев. Очерки памятников новгородской эпиграфики. Печати Великого Новгорода Новгородский истор. сборник, вып. 8, Новгород, 1940; В. Л. Янин. Новгородские посадники, стр. 340—366.

¹³ П. Г. Порфирьев. 1) Именитые княжеские печати Новгорода. Сов. археология, 1958, № 3; 2) Очерки памятников новгородской эпиграфики. Печати младших Великого Новгорода Новгородский истор. сборник, вып. 9, Новгород, 1951.

¹⁴ И. А. Шорин. Анонимные печати новгородских архиепископов. Сов. археология, 1964, № 3.

¹⁵ В. Л. Янин. 1) Печати поместников новгородских. Сов. археология, т. XIX, 1954; 2) Печати лядовских поместников. КСННМК, вып. 52, 1953.

¹⁶ В. Л. Янин. Печати новгородских тупцов как исторический источник. КСННМК, вып. 52, 1953.

¹⁷ В. Л. Янин. Печати Пскова. Сов. археология, 1960, № 3; В. Л. Янин. Визель печатки Пскова. Сов. археология, 1960, № 3; В. Д. Бо-

историков и археологов, является использование сфрагистических материалов для решения вопросов геральдики. Дальнейшая разработка этой проблемы слова обеспечена подробными публикациями геральдических знаков на русских печатях.¹⁸

Накопец, касаясь издания сфрагистических материалов, нельзя забыть ценнейших описаний сохранившихся при подлинных документах булл в сборниках публикаций этих документов.¹⁹

Но подменяя обзор главных успехов советской сфрагистики подробным библиографическим перечнем сфрагистических работ, отметим только, что их результаты сделали, наконец, возможным составление корпуса русских средневековых печатей. Сейчас подготовил такого корпуса завершена автором настоящей статьи. В результате изучения древних печатей в музеях и архивах Ленинграда, Москвы, Киева, Львова, Новгорода, Риги, Пекова, Смоленска, сбора литературных сведений и перечисления многочисленными советскими и зарубежными археологами и краеведами нам удалось зафиксировать 1601 русскую печать X—XV вв. (и это число не входит буллы, найденные при раскопках Домонтова города), т. е. в два раза больше, чем отражено в посроизведениях «Сфрагистического альбома». Работа по составлению корпуса велась в двух формах. Ее итогом является, во-первых, собственно свод определенных и систематизированных булл, во-вторых, исследование, обосновывающее предпринятые датировки, атрибуции и общую классификацию печатей.

Поблизитересным представляется нам познакомить читателей с некоторыми цифрами, отражающими общее состояние собранного материала. 1601 зафиксированная в своде булла отнесена 832 парами матриц. Из 832 разновидностей 367 (720 экз.) относятся к домонтовскому времени и 465 (884 экз.) — ко второй

л е с ц и й. 1) Неопубликованная печать XV века из раскопок 1950 года в Пекове, Слобц. Гос. Архивизац. муз. XX, 1964; 2) Печати из раскопок 1960 года в Домонтовом городе в Пекове, Слобц. Гос. Архивизац. муз. XXIII, 1962; В. Л. Янин. Сфрагистический комментарий к неопубликованной печати. В кн.: Л. М. Марасевичева, Новые неопубликованные грамоты XIV—XV вв. М., 1966.

¹⁸ А. П. Орешников. Классификация древнерусских монет по регионам изювки. Изв. АН СССР, серии VII, Отд. гуманитарных наук, 1930; В. А. Рыбачков. Знаки собственности в княжеском хозяйстве Киевской Руси X—XII вв. Сов. археология, т. VI, 1950; В. Л. Янин. 1) Княжеские знаки сударьских Рюриковичей. КСИИМК, вып. 62, 1956; 2) К вопросу о дате Лозантинского креста. КСИИМК, вып. 68, 1957; А. В. Кузл. Родовой знак Всеволода III Большое Гнездо. Сб. «Культура древней Руси», т. II. Воронеж в 60 летии со дня рождения, М., 1966.

¹⁹ Грамоты Великого Новгорода и Пекова. Под ред. С. Н. Валка, М.—Л., 1949; Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV—XVI вв. Подготовил к печати Л. П. Черешнин, М.—Л., 1950; Смоленские грамоты XIII—XIV веков. Подготовил к печати Т. А. Суминова и В. В. Лопатин, М., 1963.

третьи XIII—XV в. Поняты этих двух больших хронологических разделов материал распределяется на классификационные ряды:

	Варианты	Экзем- пляры
Дополнительные буллы		
Книжные печати архиепископской традиции X—XI вв.	13	16
Книжные печати с греческими строками надписями второй половины XI—начала XII в.	27	37
Именные буллы киевских митрополитов	13	18
Именные буллы сиверской	13	20
Печати Ратибора	5	7
Печати протопреевры Евстафия	2	13
Книжные и посадничьи печати с формулой «Господи, помози»	36	47
Печати с формулой «Добрыя воля»	23	35
Печати с изображением двух святых	150	404
Печати с изображением епископской тиары	20	57
Анонимные буллы с изображением Голгофери	12	18
Буллы с изображением Христа или его символов	24	27
Прочие (индивидуальных и неопределенных типов, со штемпельные)	20	20
Печати второй трети XIII—XV в.		
Новгород		
Книжные	69	197
Полнокопийные типов	17	33
Именные печати архиепископов	24	44
Анонимные печати архиепископов	33	102
Печати владычных поместников Нового Торжка и Лядоги	15	22
Прочие печати владычного круга	43	64
Именные печати посадничие	15	21
Именные печати тысяцких	20	24
Печати новгородских тиунов	56	101
Печати именные без указания должности	34	39
Печати Совета Гминой («Всего Новгорода», «Новгородские»), «Великого Новгорода»	53	81
Копытские и монастырские	14	25
Неопределенные	20	22
Новгород, Смоленск, Полоцк, Москва		
	12	105

Перечисленные здесь сфразистические ряды выделены по формальному признаку, по набору типовых особенностей оформления булл. В то же время эти классификационные ряды всякий раз оказываются принадлежащими определенным институтам государственной власти. Это обстоятельство позволяет вернуться к началу статьи и сформулировать главную цель древнерусской сфразистики как научной дисциплины, поставленную перед ней впервые еще И. П. Лихачевым. Поскольку типические особенности русских средневековых булл являются инди-

котором их принадлежности определенным государственным институтам, научение единообразия печатей и определение их хронология и принадлежности дают в руки историка первостепенный источник для выяснения истории институтов государственной власти на Руси, эволюция которых отражается в изменении типа печатей, в изменении и появлении новых типов и разновид официальных булл и т. д. В самом деле велап печать, которая на Руси на всем протяжении своего существования была атрибутом власти, всегда сохраняет на себе свидетельство принадлежности государственной юрисдикции (или ее части) тому или иному политическому институту. Следовательно, сама классификация вельных печатей оказывается как бы зеркалом, отражающим состав и эволюцию тех органов власти, которым в разные столетия средневековой истории принадлежало на Руси исключительное право удостоверения официальных документов.

Последний тезис, однако, нуждается в некоторых объяснениях. Чисто умозрительный подход к проблеме функционального назначения древнерусских булл дает только альтернативное решение. Эти печати являются памятниками актовой сфрагистики, а их обилие свидетельствует о появлении частного акта на Руси в сравнительно раннее время. Но они также могут быть памятниками переписки. К последнему мнению, как можно судить по некоторым очень критичным литературным высказываниям, примыкает точка зрения Н. А. Рыбасова. Это мнение в целом также совпадает с размышлениями еще до войны мыслителя С. П. Валка об исключительном позднем появлении на Руси частного акта.²⁰

Для нас является несомненным отрицательный ответ на последнее предположение. Если бы печати в основном служили целым переписки, мы наблюдали бы тогда истинное противопоставление топографии их находок и топографии употребления. Иными словами, новгородские печати, как правило, обнаруживались бы, например, в Киеве, Смоленске или Чернигове. Киевские буллы нужно было бы искать в Новгороде или на Ползани и т. д. В действительности этого нет. Напротив, места находки печати в подавляющем большинстве случаев совпадают с местом ее применения при документе. Печати новгородских князей и посадников пропеходит в 90 случаях из 100 на находок на Городище или из культурного слоя самого Новгорода. Смоленские печати отысканы в самом Смоленске. Гвлицкие и польские городища содержат сфрагистические материалы местного происхождения и т. д. Не исключая возможности эпизодического употребления булл князя или епископа при велье, мы приходим к выводу, что основным назначением вельных печатей бы

²⁰ С. П. Валк. Начальная история древнерусского частного акта. Репроизводительные исторические документы. Сб. статей, М.—Л., 1937, стр. 285—318.

до употребление их при официальных документах, скрепление актов.

Какие же акты скрепляются этими печатями? Если бы мы располагали только материалами Новгородского Городища и случайными сфрагментическими находками с других древнерусских городищ, на подобный вопрос было бы ответить весьма нелегко. На Городище под Новгородом в древности находится княжеский архив, и допустимо было бы догадываться, что этот архив составлял валайецине государственные документы междукняжеских и международных отношений. В таком случае найденные там печати можно было бы воспринять как остатки безвозвратно погибших докончаний, договоров, уставных грамот и прочих документов, связанных с политической жизнью Древней Руси.

Однако свинцовые печати многократно найдены при раскопках домонгольских и послемонгольских слоев обычного городского квартала Новгорода. Это их обилие говорит, что документ, снабженный штемпем печатью, не был диковиной и жилище новгородского дворянина. И уж не государственные документы, нужно думать, хранились за штемпем или в лице такого горожанина. Не только эти наблюдения, но и само обилие булл XI в. и особенно XII в. свидетельствует о том, что в своем большинстве дошедшие до нас штемпем печати являются остатками многочисленных частных актов (купчих, разделных, жалованных, духовных грамот и т. д.), утвержденных теми государственными институтами, которым принадлежало право скрепления таких грамот.

Существенное значение в числе разрабатывавшихся советской сфрагментикой имеет еще одна общия проблема. Подлинником большинства древнерусских печатей связано не только место своей находки, но и место употребления при документах с Новгородом. В какой мере этот тезис является абсолютным? И по вызвано ли преобладание новгородских материалов самим наличием мощного сфрагментического комплекса, собранного на новгородском Городище? В цифрах преобладание новгородских материалов выражается следующим образом: из 367 разновидностей русских домонгольских булл 238 разновидностей, т. е. больше половины, связаны с администрацией Новгорода; из 465 послемонгольских разновидностей с новгородской администрацией связано 423. Еще нагляднее сравнение числа экземпляров: из 720 зарегистрированных сейчас русских булл домонгольского периода 418, т. е. почти две трети, имеют отношение к новгородской практике оформления актов; из 881 послемонгольской буллы 776 связаны с Новгородом.

Разумеется, наличие столь обширного сфрагментического комплекса в Новгороде в какой-то степени смещает правильные акценты, лишая статистiku должной объективности. Будь подобный комплекс обнаружен и дополнение к Городищу гденибудь еще, например в Киеве, наши представления оказались бы напер-

шка более точными. Однако нельзя не обратить внимания на один важный факт, позволяющий воспользоваться для определенных общих выводов и ныне существующим состоянием накопленного материала. Находки ислых печатей достаточно многочисленны в влсе Новгорода, особенно на Киевщине. Между тем подавляющее большинство таких находок тяготеет к раннему времени, датироване XI или началом XII в. Более поздние находки печатей исключительны, послемонгольских булл на юге нет вообще. Это обстоятельство настолько характерно, что, даже имея дело не с самой печатью, а только с первым известием об ее обнаружении в восторусских областях, можно быть почти уверенным в том, что речь идет о булле XI или начала XII в.

Было бы по меньшей мере странным, если бы допущенное выше смещение акцентов каснулось булл только одного определенного времени и не затронуло печатей иного времени. Широкими словами, наличие городищенского комплекса не объясняет, почему буллы XI—начала XII в. встречаются на Руси повсеместно, в том числе и в Новгороде, а более поздние буллы почти исключительно в Новгороде. Отсюда следует важный вывод о том, что в какой-то момент развитие института ислых печати в большинстве русских областей прекращается, тогда как в Новгороде наблюдается расцвет булл, продолжавшийся несколько столетий. Вопрос о дате этого явления имеет первостепенное значение, и для ее установления нам необходимо ознакомиться с теми результатами изучения ранних русских печатей, которыми располагает сейчас ефрагистика.

Хронологический момент, с которым можно было бы связать начало уногребления булл на Руси, в настоящее время не определяется с точностью, поскольку древнейшие русские печати пока единичны. Во всяком случае можно с полной уверенностью говорить об очень древних корнях обычая ислых печати на Руси. Этот обычай зарождается еще в языческое время, когда формируются и первоначальные традиции оформления ефрагистического типа. Изначально характерных для более позднего времени христианских эмблем, первоначальный русский ефрагистический тип строит свои композиции на основе сочетания книжеского знака и условного портрета князя, владельца печати. Традиции архаической буллы в большой степени сохраняются и в первые десятилетия после принятия христианства. Они становятся основой оформления монетного типа времени Владимира Святославича и Святослава, а в ефрагистике переживают еще до третьей четверти XI в., во времена Изяслава и Святослава Ярославичей.

С принятием христианства и организационным оформлением киевской церковной иерархии наряду с кляжеской буллой употребляется печать главы русской церкви — киевского митрополита. Митрополичья печать поначалу, судя по всему, изготовлялась в Византии. Их тип сформирован на основе чисто византий-

тийской традиции и характеризуется сочетанием патриаршальных изображений (сначала патриарха, а затем и самого митрополита) с греческой строчной надписью, содержащей имя и титул владельца буллы.

Уже к середине XI в. этот сфрагистический тип оказал воздействие и на книжескую печать. В книжеской сфрагистике второй половины XI в. утворюется сходный с ним тип буллы, несущей патриаршальное изображение владельца печати и греческую многострочную надпись сначала самоуничтожительного характера, а затем с включением княжеского титула.

До конца XI в. княжеская и митрополитская буллы, принадлежащие практически к одному сфрагистическому типу, остаются единственными разновидностями древнерусской печати. Лишь в последние два десятилетия XI в. состав памятников сфрагистики несколько разнообразится появлением двух небольших групп, имеющих переходный характер. В Новгороде в результате успехов боярства и борьбы с князем появляется булла протопрещера Евстафия, которую мы отождествили с черным посадком пошито типа Завидом.²¹ Эта печать фактически повторяет внешний тип книжеской или митрополитской буллы, будучи снабжена многострочной греческой надписью и изображением святого. На юге появляется печать Ратибора, крупного сановника некоего княжеского происхождения, оформленная своеобразно. На ней впервые употребляется для надписей русский язык.

В 90-х годах XI в. в Киеве в административно с ним связанных центрах была предпринята реформа по унификации типа буллы. В окружение Святополка Изяславича для закрепления восточной печати с надписью «Дьябелово» и патриаршальным изображением владельца буллы или же с изображением символа принадлежности к церковному управлению. Этот тип использован в книжеской сфрагистике Киева и непосредственно подчиненных ему Новгород и Волыни, а также в сфрагистике митрополитов и епископов.²²

Что касается церковных печатей, то на последние годы XI в. приходится наиболее поистине. На них вместо патриаршального изображения владельца появляется общецерковная эмблема — изображение Богоматери, которое в дальнейшем становится перманентным атрибутом церковных булл.

Киевская инициатива по унификации печати не была принята и поддержана князьями, находившимися в фактической независимости от Святополка. Владимир Мономах уже в конце XI в. пользуется иным типом буллы — печатью с русской благопожелательной надписью. Этот тип широко распространяется с приходом на киевский стол Мономаха. Тогда же перестает употребляться

²¹ В. Л. Я и и. Новгородские посадники, стр. 60—62.

²² В. Л. Я и и. Печати с надписью «Дьябелово».

и преимущественный тип «Дьяволово». 1113 г. (год возмужания Мономаха в Киеве) представляется нам эталонной датой в истории русских печатей.

До нее наиболее характерной особенностью было смешение и чересполосица типов. Книжеческие печати архангельской традиции сосуществовали с книжеческими буллами, несущими греческие строчные надписи; книжеческие печати в формулой «Дьяволово» сосуществовали с буллами, несущими русские благопожелательные надписи, а на других территориях и это время книжеческими же употреблялся «строго-русский» тип. С другой стороны, сфрагистические типы церковной и светской буллы не включали в свое оформление каких-либо иных, бросающихся в глаза признаков, которые позволили бы элементарно распознать их. На первых порах и в той, и в другой сфере одинаково употреблялся «строго-русский» тип, затем также безразлично и там, и здесь употребляется тип «Дьяволово».

После 1113 г. такого смешения нет. С этого момента сами типические особенности печати превращаются в руководящий признак определения принадлежности буллы к определенному политическому институту. В сфрагистике Мономаха и его ближайших преемников печать оформлена патриархальным изображением кнзя в русской благопожелательной надписью. В церковной сфрагистике обязательным стало изображение Царя матери.

Однако за столь блестящим началом сразу же следует конец. Если буллы киевских митрополитов существуют в дальнейшем на всем протяжении домонгольского периода, то ни одной иной печати киевских кнзей моложе первой трети XII в. неизвестно. Эпизодически встречаются исключительно редкие буллы южных (главным образом польских) кнзей середины и второй половины XII в., но в целом деградация книжеческой печати на юге в 1130-х годах не вызывает сомнений.

Перейдем теперь в Новгород. До 1117 г. преобладали новгородские печати незаметно. Лишь в конце XI в. возникает и тут же угасает известная по многим экземплярам булла Евстафия. В остальной картина новгородской сфрагистики та же, что и в остальной Руси. Расцвет новгородской буллы начинается со времени кнзя Всеволода Мстиславича (1117—1136 гг.), от которого до нас дошло 14 несомненных печатей, узурпированных тип южной книжеческой буллы с русской благопожелательной надписью, и 37 книжеческих печатей нового типа с патриархальным обозначением имени и отчества владельца (буллы с изображением двух святых). Чтобы дать истинное представление о характере этих цифр, отметим, что они только и лишь раза меньше общего количества печатей X—начала XII в., обнаруженных в южнорусских областях. Расцвет книжеческой буллы в Новгороде во времена Всеволода Мстиславича не был простым эпизодом. К периоду

с 1136 г. до конца первой четверти XIII в. относится более 350 повтородских печатей княжеского круга.

Общий вывод, который может быть сделан на этого сопоставления, сводится к тому, что в Новгороде на протяжении XII—начала XIII в. существовала тенденция к поддержанию вислой буллы, тогда как на юге Руси действовала, по всей вероятности, противоположная тенденция, ведущая к угасанию обычного княжеской вислой буллы.

Однако обнаружение этих двух противоположных тенденций приводит к обратному видимому парадоксу. В южной Руси, где княжеская власть в XII—XIII вв. сохранила первоначальные общественные позиции, где государству имело ярко выраженные монархические черты, княжеская булла склоняется к упадку. В Новгороде же, где княжеская администрация в ходе борьбы с местным боярством утратила былую самостоятельность, печать князя, напротив, переживает свой расцвет. Это наблюдение ведет к постановке старого вопроса о сущности республиканских преобразований в Новгороде XII в.

В литературе по истории древнего Новгорода широко бытует концепция, согласно которой республиканские преобразования связаны главным образом с результатами антикняжеского восстания 1136 г. Наиболее четко эта концепция сформулирована Б. Д. Грековым: «Во второй половине 30-х годов XII в. Новгород пережил настоящую революцию, в результате которой возникла новая форма политического строя (республика), уделение, по крайней мере внешне, до самого конца самостоятельности Новгорода, и новое положение общественных классов, принимавших активное участие в этом движении».²³ Нам уже приходилось критиковать эту концепцию, доказывая, что возникновение новых форм новгородской государственности было следствием длительного процесса общественного развития Новгорода. Первые результаты этого процесса действительно проследываются еще в конце XI в., тогда как окончательное формирование боярских органов власти принадлежит будущему, достаточно далеко отстоящему от 1136 г., который, однако, и в самом деле сыграл громадную роль в этом процессе.²⁴ Имен сейчас дело исключительно со фрагментарными материалами, мы вновь приходим к подтверждению правильности этой мысли.

С точки зрения изложенной выше и ныне критикуемой концепции, новгородский князь после восстания 1136 г. был превращен в почти фиктивную фигуру, во второстепенное или даже третьестепенное лицо государственной администрации, запяточ-

²³ Б. Д. Греков. Восстания в Новгороде Великом в XII в. Уч. зап. Инст. истории РАНИОН, т. IV, М., 1929, стр. 21.

²⁴ И. Д. Яковл. Новгородские посадники. См. также: И. Д. Яковл. На истории земледелия в Новгороде XII в. Сб. «История культуры древней Руси», М., 1966.

шем которого было то ли руководство войском, то ли олицетворение политического и военного союза с наиболее могущественными русскими княжествами. Между тем материалы сфрагистики дают основу для несколько иного вывода.

Прежде всего они подтверждают правомерность вывода о раннем начале формирования боярских республиканских органов в княжеском Половгороде. Первым этапом республиканских преобразований, зафиксированным буллами, является посвящение в Половгороде в 1088 г. Мстислава Владимировича, когда (в малолетство этого князя) возникает известная во многих экземплярах булла протопосеяра Еустафия, отождествляемого с первым посадником Завидом. Первый посадник на печати титулуется советником князя и действует также его именем. Затем власть князя вновь окрепла и, хотя самой институт посадничества остается, право скрепления актов возвращается к князю.

С уходом Мстислава из Половграда и принятием на стол его сына Всеволода в 1117 г. происходит новый подъем боярского органа государственности — посадничества. На протяжении всего правления Всеволода Мстиславича рядом с княжеской буллой существует печать половодских посадников. В другой работе мы характеризовали время Всеволода как период определенного двоевластия, равношения политических институтов княжеской и боярской власти.

Казалось бы, успешное восстание 1136 г., приведшее к торжеству антикняжеской коалиции, должно было отменить княжескую печать и привести к максимальному развитию буллы республиканской власти. Но в действительности наблюдается как раз противоположное явление. Посадничья булла после 1136 г. полностью исчезает на полтора столетия или же по крайней мере становится почти неупотребительной, если принять посадничьи редкие печати XII в. с изображением креста. Напротив, княжеская булла с этого момента получает широчайшее развитие, оттесняя на задний план другие категории печатей. Более того, одна из этих менее значительных категорий — печати с княжескими знаками XII в. — также входит в круг булл княжеской администрации. В период с 1136 г. до конца первой четверти XIII в. в Половгороде 350 печатям княжеского круга противопоставит 13 епископских булл и около десятка проблематичных посадничьих печатей.

Иллюстрированное сопоставление различных сфрагистических разрядов домонгольского Половграда позволяет формулировать только один вывод. В результате восстания 1136 г. было достигнуто определенное размежевание государственных функций между республиканскими и княжескими органами власти. Однако князь отнюдь не возвратился во второстепенную фигуру. В его руках была сосредоточена та часть государственной деятельности, которую мы сейчас назвали бы исполнительной властью. Князь руко-

водил судом и, следовательно, законодательным оформлением всех официальных документов, фиксирующих движение в Новгороде частной собственности. Однако сам расцвет буллы, равно как и организация на Городище архива, хронологически совпадающая с первыми успехами боярских органов, говорит о том, что деятельность князя была подконтрольной, что она регламентировалась печеными органами. И печать в Новгороде, бывшая прежде одной из регалий высшей власти, превратилась в средство контроля, в средство ограничения княжеского самоуправления республиканскими органами.

Связывая эти наблюдения с наблюдениями над более поздними сфрагистическими материалами, мы получаем возможность конкретизировать этот вывод. В новгородской сфрагистике XIII в., вплоть до конца указанного столетия, нет каких-либо кардинальных перемен по сравнению с XII в. По-прежнему в этот период господствует княжеская булла, причем господствует безраздельно. От второй четверти—конца XIII в. сохранилось больше сотни княжеских печатей и не больше десятка булл других новгородских сановников (главным образом плащичных). Между тем докончания XIII в. достаточно четко обозначают степень участия князя в новгородском суде. Уже в формуляре договорной грамоты Новгорода с великим князем Ярославом Ярославичем содержится со ссылкой на старину и новину конституционное требование: «А без посадника ти, княже, суда не судити, ни полостей раздавати, ни грамот ти дати».²⁵ Это требование повторяется затем во всех докончаниях вплоть до потери Новгородом независимости. Поскольку буллы новгородских посадников появляются только в XIV в., очевидно, что княжеская печать является главным атрибутом смешанного суда князя и посадника, и эта характеристика может быть к ней приложена на всем протяжении ее существования с момента возникновения посадничества нового типа и конституирования княжеской буллы как безраздельно господствующего в Новгороде сфрагистического писемца, т. е. со времени Всеволода Мстиславича. Таким образом, материалы сфрагистики дают возможность отнести к числу меритивных 1136 г. установлению одной из конституционных основ Новгородской республики — организацию смешанного суда князя и посадника, подконтрольного республиканской власти.

Существует одно немаловажное обстоятельство, которое служит к подтверждению такой характеристики. Уже давно замечено, что самым поздним новгородским документом свойственно существенное видоизменение приведенной выше конституционной формулы. Если первоначально эта формула гласила: «А без посадника ти, княже, суда не судити», то в Новгородской судной грамоте она как бы вывернута наизнанку: «А без намесников

²⁵ Грамоты Великого Новгорода и Пскова, стр. 12, № 13.

великого князя посаднику суда во копчати». ²⁶ На наш взгляд, именно это изменение, свидетельствующее о переходе приоритета в смесном суде от заместника к посаднику, лучше всего согласуется с московскими требованиями, сформулированными в Яжелбицкой грамоте 1456 г. и Коростышской грамоте 1471 г.: «А печати были вконец великих». ²⁷

Обыкновенно это требование соотносят с другим пунктом названных договоров: «А печным грамотам не быти». «Это, несомненно, — пишет Л. В. Черепнин, — нововведение, чуждое той „старине“, на которой, как гласит текст докончания, пытались строить свои отношения обе стороны, и фактически не выполнявшиеся новгородцами. Новгородцы, утвердившие грамоты на вече до Яжелбицкого докончания, продолжали делать это и после 1456 г.» ²⁸ Между тем оба условия не связаны между собой. Они отстоят в тексте докончания далеко одно от другого, и если требование, касающееся вечных грамот, действительно можно трактовать как нововведение, то смысл условия относительно печати, думается, заключен в попытке Москвы породить «старину и новизну».

Обращение к печатям подтверждает такое понимание цитированного текста. Наблюдения над всей массой новгородских книжеских булг обнаруживают, что их количество резко сокращается в княжение Василия Дмитриевича (1389—1425 гг.). Бульга Василия Темного и Ивана III чрезвычайно редки. Напротив, с 1410-х годов в Новгороде получает массовое распространение так называемая «Новгородская печать» или «Печать Великого Новгорода», которая прикладывалась от имени Совета господ степенными посадником и тысяцким. ²⁹ Взаимостия этих двух явлений (деградация книжеской и торжество посадничьей булги) дает первый ответ о тех изменениях смесного суда князя и посадника, которые становятся для него характерными в последний период существования новгородской независимости.

Мы видим, что шельма печати, изученные в их совокупности, оказались красноречивым источником при установлении важнейших дат и истории государственных преобразований Новгорода. Эта их возможность была проиллюстрирована наблюдениями над памятниками книжеской сфрагистики. Однако и другие разряды новгородских печатей дают не менее интересные отправления точки для решения подобных проблем.

²⁶ Памятники русского права, шаг 2. Составитель Л. А. Зыкин. Госюриздат, М., 1953, стр. 212.

²⁷ Грамоты Великого Новгорода и Пскова, стр. 41—42, № 23; стр. 49, № 27.

²⁸ Л. В. Черепнин. Русские феодальные архивы XIV—XV вв., т. 1. М.—Л., 1948, стр. 363.

²⁹ В. Л. Янин. Новгородские посадники, стр. 349—366.

Выше неоднократно упоминалось о безраздельном господстве княжеской буллы в XII—XIII вв. Теперь нам предстоит обратиться внимание на коренное изменение картины новгородской сфрагистики в XIV—XV вв. В эпоху расцвета новгородской республиканской государственности о господстве княжеской буллы говорить уже не приходится. Рядом с княжеской буллой выступают обильные разряды других новгородских политических институтов. На место прежде единичных архиепископских булл приходит громадный отдел печатей владычного круга, насчитывающий в общей сложности свыше 2000 экз. Выше образуется обширный отдел печатей новгородских тысяцких и новгородских тиунов, отовсюду принимаемых в купеческими старостами.⁴⁰ Этот отдел содержит 125 печатей. Уже упоминались печати Совета господ; таких булл зафиксировано свыше 80. Эти наши явления свидетельствуют о важных переменах в Новгороде. Если прежде безраздельное господство княжеских булл указывало на существование в Новгороде одного судебного органа — смешанного суда князя и посадника, то позиционирование разветвленной сфрагстической системы может быть воспринято как показатель перераспределения юрисдикции между разными государственными институтами развитой республики. Восвешное указание именно на такой смысл сфрагстического разнообразия XIV—XV вв. дают многочисленные печати новгородских посадников XIV — начала XV в. До образования смешанного суда князя и посадника в 10-х годах XV в., в период, когда конституционный приоритет князя еще не был нарушен, необходимости в массовой посадничьей булле и не могло возникнуть. Действительно, те немногие печати посадников XIV в., которые нам известны, происходят главным образом из архивов, где они сохранялись при докончаниях или же при документах международных отношений.

Обращение к главному юридическому памятнику Новгорода — Судной грамоте позволяет говорить о существовании в Новгороде третьей четверти XV в. трех судов: посадничьего (т. е. смешанного суда князя и посадника), тысяцкого и владычного. Вопрос о времени создания такого порядка лиц, иными словами, вопрос о хронологических этапах сложения дошедшего до нас формуляра Новгородской Судной грамоты данно уже обоснуется в исторической литературе. Однако роль сфрагстического источника в решении этой проблемы не могла быть оценена исследователями до тех пор, пока этот источник не был систематизирован. Между тем именно печати дают исключительно интересные материалы.

Прежде всего они позволяют уточнить схему распределения функций между названными в Судной грамоте тремя судебными учреждениями. Уже в Уставе и Рукописании Всеволода сферы

⁴⁰ В. Л. Янин. Печати новгородских тиунов как исторический источник.

действительности суда тысяцкого ограничена решением всяких дел торговых Ипатьевских и гостинных». ³¹ С судом тысяцкого возможно связать, кроме собственно печатей тысяцких, многочисленные буллы новгородских тиунов, называвшихся и других источниках купеческими старостами, и, следовательно, подтвердить именно купеческий характер этого суда. Сложнее вопрос о размежевании юрисдикции между смешанным и владычным судами. Однако здесь приходят на помощь буллы владычных наместников, сохранившиеся при подлинных актах. Из 16 дошедших до нас при подлинных документах афонимых владычных булл XIV—XV вв. 5 прилепены к купчим, 7 — к данным грамотам и 2 — к духовным. 44 такого же характера акта скреплены именными буллами владычных наместников. Очевидно, что на каком-то этапе своего развития владычный суд, кроме вопросов, связанных с преступлениями против церкви и морали, включил в сферу своего действия многообразные имущественные отношения новгородцев, взяв их на под юрисдикции смешанного суда князя и посадника и оставив на долю последнего, по видимому, только уголовное судопроизводство.

Точные даты формирования суда тысяцкого и владычного суда с теми их функциями, которые несомненно для XV в., выясняются при обращении к печатям новгородских тиунов и владычных наместников. Тиуновские печати в целом образуют сравнительно компактную в хронологическом отношении группу, раший рубеж существования которой определяется последней четвертью XIII в. Самые древние печати этой группы были обнаружены при археологических раскопках в слове, датированном с помощью данных дендрохронологии. Таким образом, формирование суда тысяцкого возможно отнести к самому концу XIII в., что совпадает с нашими наблюдениями о важнейших преобразованиях новгородской государственности как раз в эти годы и с началом об особом интересе, который был проявлен новгородцами к организации торгового суда в 1290-х годах. ³²

История владычного суда, как он реконструируется по показанным печатей владычного круга, начинается с организации деятельности владычного наместника в конце XIII в., т. е. опять же около только что названной даты. Первоначальное территориальное юрисдикции в пользу владыки и за счет смешанного суда не конулось собственно Новгороду. Оно отдало во власть архиепископа торговые центры на границах Новгородской земли — Ладогу и Новый Торг: древнейшие печати ладожских наместников новгородского владыки датируются временем Климентя (1276—1299 гг.), древнейшие буллы новоторжских владычных наместни-

³¹ Новгородский Первый летопись старшего и младшего изводов. М.—Л., 1950, стр. 508.

³² В. Л. Я и в и. Новгородские посадники, стр. 93, 105—175.

ков относятся ко времени Давида (1309—1325 гг.).³³ Литы при Моисее (1326—1330, 1352—1359 гг.) апопиксидная владычная печать, которой пользовались новгородские наместники архиепископа, приобретает массовый характер, а именная архиепископская булла практически выходит из употребления. Мы склонны связывать это отраженное сфрагмистически преобразование владычного суда с событиями 1352—1354 гг., последовавшими после возвращения Моисея на новгородскую кафедру. В 1352 г. князья послали своих архиепископов Моисея в Царьград к царю и патриарху, просив от них благословения и исправления и полюбимых вещей, приходящих с насилием от митрополита». В 1354 г. «приидоша послане архиепископа новгородского Моисея из Царяграда, и привезоша ему ризы крестыцаты, и грамоту с великим пожалованием от царя и от патриарха, и златую печать».³⁴ Стоит обратить внимание на то, что 1354 год был одной из важнейших вех и общих преобразований новгородской государственности.³⁵

В своем обзоре мы коснулись лишь тех достижений древнерусской сфрагмистики, которые представляются нам основными, характеризующими новое направление этой дисциплины. В краткой статье нет возможности остановиться на вопросах более частного характера. Однако вряд ли окажется правильным, если мы оставим без внимания те результаты сфрагмистики, которые открывают новый путь для будущих искусствоведческих исследований. 1601 шрифтсированный к сегодняшнему дню древнерусская булла — это 1601 прокламационное художественное ремесло. И дело не только в том, что среди них имеется немало несомненных шедевров мелкой пластики, но и в том, что это полторы тысячи художественных предметов, полученных точные даты и отражающих в подробностях эволюцию стили, индивидуальные приемы мастеров, развитие целых школ мелкой пластики, различия между ними и взаимное влияние. Поскольку трудно себе представить, чтобы какие-либо художники специализировались исключительно на изготовлении сфрагмистических матриц, логичнее полагать, что их изготовляли те же мастера, которые оставили нам великие шедевры своего ремесла, украшающие сейчас экспозиции наших музеев. Поэтому дальнейшее изучение художественного ремесла Древней Руси вряд ли сможет обойтись без опоры на сфрагмистические материалы, образующие хронологическую и стилистическую шкалу, на которую стало возможным проецировать наблюдения над предметами, казалось бы, далекими от сфрагмистики.³⁶

³³ В. Л. Янин. 1) Печати ладожских наместников; 2) Печати наместников новгородских.

³⁴ Новгородская Первая летопись, стр. 363—364.

³⁵ В. Л. Янин. Новгородские посадники, стр. 185—200.

³⁶ В. Л. Янин. 1) Из истории русской художественной и политической жизни XII в. Сов. археология, 1957, № 1; 2) О первоначальной принадлеж-

Особой темой русской сфрагистики, которая по существу осталась вне внимания исследователей после смерти П. П. Лихачева, является так называемые пломбы дреговичинского типа — маленькие эллиптические печати, оттиснутые, как правило, крайне небрежно. Таких пломб в разных собраниях насчитывается сейчас несколько тысяч. Они до сих пор никем не изучены и не систематизированы, а их характеристика сложна. Главная то часть этих пломб вызвана к жизни специфическими особенностями русского денежного обращения в безмонетный период, на что указывает приведенное недавно в научный оборот сообщение иль-Гарнати.²⁷ Однако пока было бы преждевременным исключать их из колыбели сфрагистики и связывать только с нумизматикой. Постоительные совместные находки таких пломб с безусловно авторскими печатями на Городище под Новгородом, т. е. и комплексные материалы клязевского архиепа, говорят о том, что многие пломбы дреговичинского типа употреблялись и для скрепления актов. Только специальное изучение этих памятников поможет определить их место среди других сфрагистических материалов Древней Руси. Будем надеяться, что им недолго придется ждать своего исследователя.

А. И. КОПАЧЕВ

СОВЕТСКАЯ ДИПЛОМАТИКА

Разработка советскими историками марксистско-ленинской концепции истории русского феодализма охватывала не только пересмотр всей дореволюционной историографии, но и в известной степени переоценку и переосмысление всего комплекса источников нашей истории.

Для советских историков на общего круга источников по феодальной эпохе первостепенное значение приобретали источники по социально-экономической истории, так как без тщательного изучения социально-экономических процессов феодального общества не могло быть создано подлинно марксистской истории.

Среди источников по социально-экономической истории важное место занимают акты. Именно на акты, отражающие в историко-правовой форме события и явления социально-экономической жизни, историк извлекает сведения о росте феодального землевладения и феодальном способе производства, о положении крестьянства, формах ренты, об иммунитете и других институтах феодального общества.

иногда так называемого илемеи Ярослав Всеволодовича. Сов. архивовед., 1958, № 3.

²⁷ См.: А. И. Малигайт. Абу Хамид иль-Гарнати и его путешествие в Русские земли 1150—1158 гг. История СССР, 1959, № 4, стр. 173—179.